

НАЦИОНАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ ИВАНА ЦАНКАРА И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СЛОВЕНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Анна Геннадьевна Бодрова –

кандидат филологических наук, доцент,
филологический факультет,
Санкт-Петербургский государственный
университет.
Университетская набережная, 11,
Санкт-Петербург, Россия, 199034.
a.bodrova@spbu.ru

Аннотация

Занимающий почетное место в словенском культурном каноне писатель Иван Цанкар (1876–1918) изменил когда-то ход развития словенской литературы и оказал влияние на формирование национальной идентичности. Национальный нарратив Цанкара базировался на противоречиях: долго живя вдали от своего народа, он то его воспевал, то обрушивался на него с критикой, родина соотносится у него с матерью, но мать выступает как умершая. Сосредоточенность Цанкара на теме матери и родины интерпретируется в статье в духе психоанализа. Вслед за Славоем Жижекком развивается тезис, что именно мать является для Цанкара представителем символического порядка или сверх-Я. Рассматривается понятие «цанкаровская мать», ставшее в словенском культурном пространстве символом жертвенности и вместе с тем репрессивности.

Ключевые слова

Словенская литература, Иван Цанкар, национальный нарратив, национальная идентичность, нация, мать, родина, психоанализ.

IVAN CANKAR'S NATIONAL NARRATIVE AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF THE SLOVENIAN CULTURAL IDENTITY

Anna G. Bodrova –

Ph.D., Associate Professor,
Philological Faculty, Saint Petersburg
State University.
Universitetskaya Naberezhnaya, 11,
Saint Petersburg, Russia, 199034.
a.bodrova@spbu.ru

Abstract

Ivan Cankar (1876–1918), who occupies an honorable place in the Slovenian cultural canon, once changed the course of development of Slovenian literature and influenced the formation of national identity. The national narrative of Cankar was based on contradictions: living far from his people, he sometimes glorified them and sometimes attacked them with heavy criticism; he correlated his homeland with his mother, the mother though being dead. Cankar's concentration on the subject of mother and home-

land is interpreted here in the framework of psychoanalysis. Following Slavoj Žižek, the author develops the idea that it was the mother who became the Symbolic Order representative or Super-Ego for the writer. The concept of “Cankar’s mother”, which became a symbol of self-sacrifice and at the same time repressiveness in the Slovenian cultural space, is considered.

Keywords

Slovenian literature, Ivan Cankar, national narrative, national identity, nation, mother, motherland, psychoanalysis.

Писатель Иван Цанкар (1876–1918), занимающий одно из самых почетных мест в каноне словенской литературы, оказал огромное влияние на развитие словенского социума, среди прочего на формирование национальной идентичности. Безусловно, он внес революционные изменения в национальную словесность, обновил ее новыми темами, жанрами, формами. Цанкар считается первым словенским профессиональным писателем. В творчестве и в биографии ему удавалось совмещать противоречивые тенденции. С одной стороны, он вел богемный образ жизни на чужбине, с другой — занимался политикой и был патриотом; интерес к родине, социальным проблемам (повесть «Батрак Ерней и его право» — «Нарес Jernej in njegova pravica», 1907) сочетается в его творчестве с излюбленными темами модерна (смерть, детство, искусство и др.); символистская драма («Прекрасная Вида» — «Lera Vida», 1912) и роман, где применяется техника «потока сознания» («Нина» — «Nina», 1906), соседствуют с политическими статьями.

Цанкар провел около 13 лет своей жизни за пределами словенских земель, а именно в Вене. Пребывание в венском социокультурном пространстве позволило писателю расширить диапазон тем и преодолеть некоторую провинциальную ограниченность словенской литературы. К «венской» теме у Цанкара обращается Т.И. Чепелевская¹, она пишет об особой «ситуации колебания» между закрытым и открытым типами культуры, свойственной словенской культуре, находящейся на перекрестке Центральной Европы и Балкан.

В творчестве Цанкара универсалистские тенденции западноевропейского модерна сочетались с устремлениями, направленными на создание национальной литературы, оказавшей огромное влияние на формирование национального самосознания. Проблема национальной идентичности занимала одно из важнейших мест в мировоззрении словенского писателя. И. Цанкара можно считать тем самым представителем культурной элиты, который играл ведущую роль в создании воображаемого сообщества² —

¹ Чепелевская Т.И. Иван Цанкар и литературно-художественная Вена // *Художественная культура Австро-Венгрии: Искусство многонациональной империи. 1867–1918* / Отв. ред. Н.М. Вагапова, Е.К. Виноградова. СПб.: Алетейя, 2005. С. 168–175.

² Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.

«словенской нации». По мнению Бенедикта Андерсона, филологи и литераторы принимали активное участие в процессе конструирования национального сознания³. При этом очень важное значение имела деятельность двуязычных писателей, переносивших уже существующие национальные модели на свою почву⁴. Действительно, Цанкар в прочитанной им в 1913 г. в Любляне лекции «Словенцы и югославы», призывая к политическому объединению южных славян в одно государство (сербов, хорватов, словенцев, болгар), упоминает об уже существующих Великой Германии и Великой Италии⁵. Писатель утверждал, что, на первый взгляд, идея образования нового югославянского государства может показаться утопией — ведь препятствий на пути его создания множество, однако «у утопий с давних пор есть одна странная черта — они имеют обыкновение сбываться»⁶. Цанкар неоднократно подчеркивал, что югославянский вопрос для него относится к сфере политики, и настаивал на самостоятельности языков и культур: «... югославянское племя раскололось на четыре народа с четырьмя самостоятельными культурными жизнями. По крови мы братья, по языку — двоюродные братья, а по культуре, являющейся плодом многовекового сепаратного воспитания, — мы более чужды друг другу, нежели наш гореньский крестьянин тиролюскому или горицкий винодел — фриульскому»⁷. В начале XX в., как и в предыдущем веке, в словенских землях были распространены идеи образования единого южнославянского языка⁸, однако Иван Цанкар — создатель словенской национальной и культурной идентичности, продолжатель линии развития литературы, намеченной поэтом Франце Прешерном (1800–1849), был против подобных идей. Историки считают, что лучшее, что было сказано словенцами до Первой мировой войны по югославянской теме принадлежит именно Цанкару⁹. Необходимо отметить, что писатель принимал деятельное участие в общественной жизни. Стоит вспомнить его знаменитое высказывание 1906 г.: «Я стоял не на арене литературы, а на арене жизни»¹⁰. Тема словенской нации и словенской культуры встречается и во многих других полемических статьях

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. С. 93.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ *Cankar I. Izbrana dela: v 10 zv. Zv. X. Ljubljana, 1959. S. 394–395.*

⁶ *Ibid. S. 394.*

⁷ *Ibid. S. 398–399.*

⁸ В истории словенской культуры известен случай вдохновленного идеями иллиризма поэта Станка Враз (1810–1851), на первом этапе творческого пути писавшего по-словенски, а впоследствии полностью перешедшего на хорватский язык. Враз напрасно пытался увлечь своими идеями Ф. Прешерна, остававшегося ярким противником подобного культурного объединения.

⁹ Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В. История Словении. СПб.: Алетейя, 2011. С. 272.

¹⁰ *Cankar I. Jubilej // Cankar I. Izbrana dela: v 10 zv. Zv. X. Ljubljana, 1959. S. 126.*

Цанкара: «Словенский народ и словенская культура» («Slovensko ljudstvo in slovenska kultura», 1907), ««Родина наша прекрасная»» (««Lepa naša domovina»»), 1909), «Словенская культура, война и рабочий класс» («Slovenska kultura, vojna in delavstvo», 1918), «Как я стал социалистом» («Kako sem postal socialist», написана в 1913 г., опубликована в 1918 г.) и др. По мнению словенского ученого Д. Пирьевица, «Цанкар словенскую национальную проблему воспринимал как проблему пролетариата (...), народа крестьян и рабочих, народа рабов»¹¹. Цанкар считал, что только в социализме его родина может обрести свободу. Писатель остро переживал несвободу словенского народа: «И если рабочий всегда невольник, то в наших словенских краях он невольник вдвойне! В иных странах эксплуатировали руки и голову рабочего, у нас, помимо этого, у рабочего отняли достоинство, лишили его души и отсекали язык («Словенская культура, война и рабочий класс»)¹²». Цанкар неоднократно подчеркивал роль культуры, способствующей духовному освобождению нации, которое непременно приведет к свободе и от «телесных оков»¹³.

В своих текстах, прибегая к таким конструктам, как «словенский народ», «наш народ», «наша родина», Цанкар, несомненно, причислял и себя к данному воображаемому коллективу и, безусловно, активно участвовал в формировании этих понятий.

Словенский писатель с большим вниманием следил за развитием словенской культуры, о чем свидетельствуют его статьи, посвященные словенским писателям и художникам, высоко ценил национальную прессу¹⁴. Эта позиция подтверждает мнение Б. Андерсона, полагавшего, что именно газетам отводилась одна из важнейших ролей в формировании национальных воображаемых сообществ, поскольку массы людей, каждый день почти одновременно читая одни и те же статьи на национальном языке, ощущали себя частью определенного сообщества¹⁵.

Тема словенской национальной идентичности присутствует не только в многочисленных статьях Цанкара, но и в его художественных произведениях. Следует сказать, что уже само употребление словенского литературного языка способствовало созданию словенской национальной матрицы.

Как строится цанкаровский национальный нарратив? В многочисленных автобиографических произведениях Цанкара нередко фигурируют понятия «родина», «словенский народ», неотъемлемой частью которого он себя ощущал. Национальная тема тесно связана с его биографией. Цанкар через собственный опыт пытался осмыслить историю словенских земель.

¹¹ Pirjevec D. Ivan Cankar in evropska literatura. Ljubljana, 1964. S. 441.

¹² Цанкар И. Избранное: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 2. С. 481.

¹³ Там же. 478.

¹⁴ Там же. С. 479.

¹⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества... С. 67.

На протяжении всей жизни и творчества для словенского писателя была важна сопричастность своему народу. Поэтому он вновь и вновь обращался к проблеме национальной идентичности. Например, в автобиографическом фрагменте «Оттакринг» («Ottakring», 1915), написанном за три года до смерти, автор размышляет о том, что происхождение и национальность играют существенную роль для понимания особенностей характера главного персонажа: «Павел Негода был словенцем; это значит, что он носил свою родину с собой. Не только во всех своих мыслях, но и в каждой капле крови, в каждом ударе сердца, в каждом взгляде, в каждом шаге...»¹⁶.

В автобиографических произведениях Цанкар конструирует образ «одного из многих словенцев», фигурирует в роли представителя словенской нации. Так, сюжет романа «На крутой дороге» («Na klancu», 1902) или повести «Грешник Ленарт» («Grešnik Lenart», 1915) во многом совпадает с событиями из жизни Цанкара (нищее детство, отношения с матерью, школа и т.д.)¹⁷.

Нередко национальная проблематика связана у Цанкара с политикой. Самые известные рефлексии на эту, во многом болезненную, тему содержатся в драме с грозным названием «Холопы» («Hlapci», 1910), написанной Цанкаром после неудачных выборов (он баллотировался в австрийский парламент от социал-демократической партии в 1907 г., однако победу одержали клерикалы). В пьесе рассказывается, как после победы клерикалов многие противники переметнулись на их сторону. Главному герою, учителю Ерману, не пожелавшему сменить свои убеждения, принадлежит отчаянная отповедь словенскому народу: «Холопы! Холопами рожденные, холопами воспитанные, созданные для холопства! Господин меняется, а хлыст остается и навсегда останется, потому что спина согбенная, к хлысту привыкшая и хлыста желающая!»¹⁸. Ерман, мечтавший «из холопов сделать людей»¹⁹, комментирует события словенской истории, в частности, очень мрачный период развития словенской культуры — Контрреформацию: «Сейчас я просматриваю историю Контрреформации. Тогда в наших землях перебили половину порядочных людей, а другая половина — сбежала. Те, кто остался, были вонючим сбродом. И мы — внуки своих дедов»²⁰. Тема несвободного народа, рабства будет подниматься и в других текстах Цанкара, считающего холопство доминантной чертой словенцев.

Размышляя о будущем словенского народа, важную роль в формировании национального самосознания Цанкар отводил матерям. В статье «Словенская культура, война и рабочий класс» он, делаясь собственным

¹⁶ *Sanhar I. Zbrani spisi: v 20 zv. Zv. 18. Ljubljana, 1935. S. 291.*

¹⁷ Подробно об этом см.: *Бодрова А.Г. Автобиографическая проза Ивана Цанкара. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2010. С. 50, 77, 88.*

¹⁸ *Sanhar I. Izbrana dela: v 10 zv. Zv. IX. Ljubljana, 1957. S. 368.*

¹⁹ *Ibid. S. 355.*

²⁰ *Ibid. S. 344.*

биографическим опытом, писал: «И все-таки не все надежды потеряны! В матерях-работницах наше будущее! Я знаю одну такую мать: всю кровь сердца она отдала бы, чтобы спасти жизнь своему ребенку! Пока у нас есть такие матери, нам нечего бояться!»²¹ Далее он призывал женщин разъяснять своим детям причины социальной несправедливости. Как известно, именно женщина считается «хранительницей» национальной традиции в обществе²².

Еще более личное звучание тема матери приобретает в художественных текстах Цанкара. В финале пьесы «Холопы» Ерман в отчаянии хочет покончить жизнь самоубийством, однако от этого поступка его удерживает голос умершей матери — он слышит, как она обращается к нему по имени. Безусловно, отношения Ермана с матерью находятся в русле цанкаровского автобиографизма. В пьесе, как и в других произведениях, также присутствует возвеличивание матери, граничащее с сакрализацией. Так, Ерман слишком эмоционально реагирует на вполне нейтральное упоминание приходского священника о его тогда еще больной матери и набрасывается на него со словами: «Не говорите о ней, святой, на этом оскверненном языке!»²³. Тема матери, претерпевающая различные трансформации, присутствует во многих сочинениях Цанкара²⁴. Своей матери писатель посвятил не одно произведение. Говоря о романе «На крутой дороге», он заявил, что поставил памятник своей матери, какого никто еще не создавал²⁵. Некоторые словенские ученые считали тему матери доминантной с творчестве Ивана Цанкара (например, Л. Крайгер²⁶).

Примечательна очевидная связь тематических комплексов народа, родины и матери в текстах Цанкара. «...любовь — одна единственная и неразделимая; один короткий удар сердца вмещает все — мать, родина, Бог»²⁷, — писал Цанкар в автобиографическом фрагменте «Оттакринг», в котором герой Павел Негода, находясь в Вене, мысленно переносится на родину и погружается в воспоминания о матери и ее смерти, воскрешая самые яркие события безрадостного детства.

В этом произведении повествователь утверждает, что он не знает, как любят родину в других местах, но, например, он знаком с одним немцем, и, возможно, тот является самым плохим представителем этой нации, ведь он хвастается своей родиной, словно муж хвалится приданым своей жены,

²¹ Цанкар И. Избранное. Т. 2. С. 482.

²² О связи нации и гендера см., например: Yuval Davis N. Nation and Gender. London, 1997.

²³ Cankar I. Izbrana dela: v 10 zv. Zv. IX. Ljubljana, 1957. S. 343.

²⁴ Бодрова А.Г. Автобиографическая проза Ивана Цанкара. С. 39–89.

²⁵ Cankar I. Zbrano delo. Zv. XXVII. Ljubljana, 1971. S. 355.

²⁶ Krajger L. Ivan Cankar. Študije o njegovem delu in življenju, spomini nanj: v 2 d. D. I. Ljubljana, 1954.

²⁷ Cankar I. Zbrani spisi: v 20. zv. Zv. 18. Ljubljana, 1935. S. 291–292.

что доказывает, что он ее не любит. Цанкар видит возможным сопоставить любовь к родине только с любовью к матери, к умершей матери: «Истинная любовь стыдливая, тихая, внимательная; ей хотелось бы спрятаться от себя самой. (...) Любовь словенца к родине — явление ни с чем не сопоставимое и невообразимое; ее невозможно описать, на ней прерывается мое и любое искусство. В крайнем случае, я мог бы сравнить эту любовь с любовью к матери; к умершей матери, которая не услышит больше ни одной запоздалой молитвы, ни одной просьбы об утешении и о прощении, которая не укрепит надежду, робко прорастающую в сердце»²⁸.

Данную сосредоточенность Цанкара на теме матери и родины возможно интерпретировать и в духе лакановского психоанализа²⁹. По мнению известного словенского философа Славоя Жижека, мать, а не отец, стала для Цанкара представителем Символического порядка (по Лакану) или сверх-Я (по Фрейдю), открывающему «я» («moi» по Лакану) путь в большой мир. В произведениях Цанкара именно мать связана с Символическим порядком (кстати, именно мать Цанкара позаботилась о его образовании, тем самым открыла для него доступ к Символическому). Отсюда двойственность в отношении как к матери, так и к родине: Цанкар балансирует между двумя мирами — Воображаемым (зеркальным) и Символическим. Ведь мать Цанкара, простую крестьянку, можно считать «прототипом закрытого, неграмотного, родного космоса»³⁰. Ей совершенно чужда «чужая ученость» (данную сторону матери можно наблюдать в рассказе «Чужая ученость» («Tuja učenost», 1910), в нем сопоставляется полный сомнений и противоречий мир автобиографического героя, рано приобщившегося к «бездуховной» европейской цивилизации, и цельный мир его матери, находящей опору в искренней вере в Бога). С одной стороны, герой желает вырваться из этого замкнутого мира, а с другой — боится. Примечательно, что это противоречие проявилось уже в ранней лирической зарисовке «Матери» (1893, сохранилась в рукописи). Здесь автобиографический герой-повествователь, осознавая их возможные мировоззренческие расхождения и вместе с тем чувствуя глубокую привязанность к матери, обращается к ней со словами: «Не дай, Боже, чтобы когда-нибудь, когда мой кругозор будет шире, когда я буду смотреть на мир, как с высокой горы, а не как из темницы, когда у меня будут мои собственные убеждения, а не вбитые мне в голову кем-то другим, не дай, Боже, заслужить мне хотя бы печальный взгляд твоих глаз»³¹. В некоторых произведениях появляется мотив предательства, совершенного по отношению к матери, и, как следствие, — чувство вины

²⁸ *Canĉar I. Zbrani spisi: v 20. zv. Zv. 18. Ljubljana, 1935. S. 291–292.*

²⁹ *Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). М.: Гнозис, Логос, 1999.*

³⁰ *Žižek S. Dva aspekta // Problemi 16. Št. 177–180. S. 206.*

³¹ *Canĉar I. Zbrano delo. Zv. VI. Ljubljana, 1967. S. 309–310.*

(некоторые рассказы из цикла «У святой могилы» — «Ob svetem grobu», 1910–1913; «Моя жизнь» — «Moje življenje», 1914; «Грешник Ленарт»). Жижек считал, что при жизни мать обременяла писателя комплексом вины и душила его своими страданиями: «Все цанкаровские бесконечные литании³² матери скрывают и этим симптоматически указывают на факт бесконечного облегчения, на то, что он освободился от матери, и являются невротическим заклинанием, чтобы мать никогда больше не вернулась»³³.

Стоит отметить, что понятие «цанкаровская мать» («cankarjanska» или «cankarjeva» mati) в словенской культуре стало символом жертвенной и в то же время удушающей материнской любви. Социолог К. Видмар Хорват так комментирует феномен цанкаровской матери в культурном контексте словенского общества: «цанкаровская мать подавляет дух словенского коллектива, с тех пор как ее литературный образ (...) стал неотъемлемой частью школьной программы, а также культурного канона нации...»³⁴.

К образу своей матери Цанкар «возвращается» на протяжении всего творчества. То же самое происходит и с родиной — он то ее покидает, то возвращается (и в жизни, и в текстах), то посвящает ей и своему народу слова осуждения, упрекая в покорности, рабстве, примитивности, то признается в любви. Разнонаправленные импульсы в национальном нарративе Цанкара создавали напряжение, которое привело к культурному взрыву, к перекодировке словенской литературы и национальной идентичности.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.
2. *Бодрова А.Г.* Автобиографическая проза Ивана Цанкара. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2010.
3. *Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении. СПб.: Алетейя, 2011.
4. *Лакан Ж.* Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). М.: Гнозис, Логос, 1999.
5. *Цанкар И.* Избранное: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 2.
6. *Чепелевская Т.И.* Иван Цанкар и литературно-художественная Вена // Художественная культура Австро-Венгрии: Искусство многонациональной империи. 1867–1918 / Отв. ред. Н.М. Вагапова, Е.К. Виноградова. СПб.: Алетейя, 2005. С. 168–175.

³² Литания — молитва у католиков, состоящая из повторяющихся молебных воззваний.

³³ *Žižek S.* Dva aspekta. S. 206.

³⁴ *Vidmar Horvat K.* No, razčistimo že s Cankarjem! // Delo. 01.02.2013. URL: <http://www.delo.si/mnenja/gostujoce-pero/no-razcistimo-ze-s-cankarjem.html> (дата обращения: 10.10.2018).

7. *Cankar I. Izbrana dela: v 10 zv. Zv. IX.* Ljubljana, 1957.
8. *Cankar I. Izbrana dela: v 10 zv. Zv. X.* Ljubljana, 1959.
9. *Cankar I. Zbrani spisi: v 20. zv. Zv. 18.* Ljubljana, 1935.
10. *Cankar I. Zbrano delo. Zv. VI.* Ljubljana, 1967.
11. *Cankar I. Zbrano delo. Zv. XXVII.* Ljubljana, 1971.
12. *Cankar Iz. Leposlovje — eseji — kritika.* Lubljana, 1969.
13. *Krajger L. Ivan Cankar. Študije o njegovem delu in življenju, spomini nanj: v 2 d. D. I.* Ljubljana, 1954.
14. *Pirjevec D. Ivan Cankar in evropska literatura.* Ljubljana, 1964.
15. *Vidmar Horvat K. No, razčistimo že s Cankarjem! // Delo. 01.02.2013.* URL: <http://www.delo.si/mnenja/gostujoce-pero/no-razcistimo-ze-s-cankarjem.html> (дата обращения: 10.10.2018).
16. *Yuval Davis N. Nation and Gender.* London, 1997.
17. *Žižek S. Dva aspekta // Problemi. 1978. 16. Št. 177–180. S. 206.*

References

1. Anderson, B., 2001. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: KANON-press-TS, “Kuchkovo pole”.
2. Bodrova, A.G., 2010. *Avtobiografičeskaia proza Ivana Tsankara* [Autobiographical Prose of Ivan Cankar]. Saint Petersburg: Izd. dom Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta.
3. Cankar, I., 1935. *Zbrani spisi: v 20. zv. Zv. 18.* Ljubljana.
4. Cankar, I., 1957. *Izbrana dela: v 10 zv. Zv. IX.* Ljubljana.
5. Cankar, I., 1959. *Izbrana dela: v 10 zv. Zv. X.* Ljubljana.
6. Cankar, I., 1967. *Zbrano delo. Zv. VI.* Ljubljana.
7. Cankar, I., 1971. *Zbrano delo. Zv. XXVII.* Ljubljana.
8. Cankar, Iz., 1969. *Leposlovje — eseji — kritika.* Lubljana.
9. Chepelevskaia, T.I., 2005. Ivan Tsankar i literaturno-khudozhestvennaia Vena [Ivan Cankar and literary-artistic Vienna]. In: Vagapova, N.M., Vinogradova, E.K., eds, 2005. *Khudozhestvennaia kul'tura Avstro-Vengrii: Iskusstvo mnogonatsional'noi imperii. 1867–1918* [Artistic culture of Austria-Hungary: The Art of the multinational empire. 1867–1918]. Saint Petersburg: Aleteiia, pp. 168–175.
10. Kirilina, L.A., Pil'ko, N.S., Churkina, I.V., 2011. *Istoriia Slovenii* [History of Slovenia]. Saint Petersburg: Aleteiia.
11. Krajger, L., 1954. *Ivan Cankar. Študije o njegovem delu in življenju, spomini nanj: v 2 d. D. I.* Ljubljana: Triglavska tiskarna.
12. Lakan, Zh., 1999. *Seminary. Kniga 2: «Ia» v teorii Freida i v tehnike psikhooanaliza (1954/55)* [Seminars. Book 2: The Ego in Freud's theory and in the technique of psychoanalysis (1954/55)]. Moscow: Gnozis, Logos.
13. Pirjevec, D., 1964. *Ivan Cankar in evropska literatura.* Ljubljana: Ljudska pravica.

14. Tsankar, I., 1981. *Izbrannoe: v 2-kh t. T.2.* [Selected Works: 2 Vol.]. Moscow: Khudozh. lit.
15. Vidmar Horvat, K., 2013. No, razčistimo že s Cankarjem! *Delo*. 01.02.2013. URL: <http://www.delo.si/mnenja/gostujoce-pero/no-razcistimo-ze-s-cankarjem.html> (accessed: 10.10.2018).
16. Yuval Davis, N., 1997. *Nation and Gender*. London: Sage Publications.
17. Žižek, S., 1978. Dva aspekta. *Problemi*, 16, Št. 177–180, p. 206.